

В МИНСКЕ ЛЕТО ЖАРКОЕ

ВНОГОЛЕТНЕЕ творческое содружество и творческое соревнование связывают театры имени Янки Купалы и Якуба Коласа. Братская дружба этих двух старейших театров Белоруссии — словно символ немеркнувшей памяти о дружбе двух поэтов, давших имена театрам. Гастроли колосовцев в Минске — это и праздник их и творческий отчет перед друзьями — любящими, но азыскательными.

Начались гастроли «Нестерхой» — милым нашему сердцу, веселым, ярким, музыкальным, вечно юным «Нестерхой».

Вновь легким шагом выбежал старый шаг знакомый — Нестерка. С дорожным узелком на палочке, в серой шапке-кучомке, веселый как и зитрец Нестерка, добрый и верный друг бедняка, вседневный враг богача, пана. Много раз мы видели Нестерку — А. Ильинского, всегда радовалась встреча с ним, неизменной свежести, словно сиюминутному рождению вот тут, перед нами, каждой выдумки и проказы. И уже не верилось, что кто-либо, кроме Ильинского, когда-нибудь осмелится играть Нестерку.

Но годы идут — и довелось выйти на сцену новому Нестерке — Ф. Шмакову. И хотя, по совести, мы обязаны были встречаться с новым Нестеркой наново, не сравнивая с прежним, признаемся, мы сразу же принялись сравнивать, ревниво контролируя каждый шаг, жест, интонацию нашего нового знакомого, сверяя с памятью. Оказалось: и вправду шмаковский Нестерка — новый. Актер очень бережно, заботливо отнесся к образу, сохраняя его традиционные, ставшие классическими черты. Но появилось в нем и новое. Нестерка не только помолодел. Он стал еще более наступательным, словно дирижируя событиями на сцене и настроением в зале, воюет со своими недругами и даже не дает себе труда опасаться их, настолько убежден в своем превосходстве над ними...

Хорошо было снова встретиться с «Нестерхой» — вновь увидеть яркие, то забавные, то лирически-сказочные декорации, кружеванную листву деревьев, пестроту костюмов, восхищаться красотой старинного народного свадебного обряда, услышать то грустную, то залюбованно-веселую музыку и пение о том, как «бабушка сына выбила пеленку...». Хорошо было встретить давно полюбившихся нам изысканную шляхтянку Мальвину (Я. Глябовская), тихоню Матая (А. Трус) и импозантного глуповатого пана Барановского (А. Левин). Хорошо было познакомиться с новым школяром Самохвалским (Н. Тищенко) — на рахитичных негнущихся ногах, очень похожего на отоцавшего индюка, с юными Юрасем и Настей (А. Котальников и Л. Загребельная), очень красивыми и лиричными, хотя еще недостаточно уловившими жанр народной комедии... Хорошо было встретиться с «Нестерхой» и с людьми, бережно хранящими этот замечательный народный спектакль.

В «НЕСТЕРКЕ» мы узнаем знакомые нам лучшие качества прекрасного коллектива Витебского театра, его народность, его стремление к ансамблевости, умение заставить зрителя почувствовать себя соучастником происходящего на сцене. В «Нестерке» пело, переливалось всеми красками радуги, притопывало каблучками, смеялось, издевалось, любило и ненавидело само искусство.

В «Сердце на ладони» (композиция А. Подобед по роману И. Шмакина) мы напряженно искали полюбящиеся нам исконно «витебские» черты — и с трудом и нечасто их находили... Конечно, о каждом произведении судят по тем законам, по которым оно создано. «Нестерка» — народная фольклорная комедия, а «Сердце на ладони» современная драма. Но о Витебском театре впечатление у нас сложилось не сегодня. Мы помним и давнего «Гамлета» и совсем недавние «Крыници», тоже композицию и тоже по произведению Шмакина. Невольно сравниваем, и сравнение — не в пользу сегодняшней постановки.

Прежде всего — неудачная инсценировка. Слишком подробная, а потому иллюстративная, статичная, даже не протвещающая на какое-то освеще-

ние внутренней жизни героя. Одним случайным мазком, мимоходом автор устанавливает в экспозиции еще одного из многочисленных персонажей.

На сцену приходит и уходит люди, чье присутствие часто бывает необязательным, а отсутствия остается незамеченным... Но это роли «второго плана». В конце концов, не они определяют правдивость и цельность спектакля. Прежде всего — спектаклю «Сердце на ладони» необходим доктор Ярош. В спектакле есть хороший, опытный актер А. Шелег. То, что он делает, — профессионально, тактично, умно... Но это не Ярош. Трудно винить в этом одного актера. Режиссер спектакля А. Подобед с полным уважением отнесся к собственному инсценировке, где есть лишь место, уготованное Ярошу, самого же образа попросту нет... Вот и живет в спектакле мягкий, уравновешенный, улыбочный и ординарный человек, которого почему-то все называют Антоном Ярошем — бывшим партизаном, храбрцом и героем, теперь талантливейшим хирургом, делающим сложные операции на сердце и умеющим разбираться в человеческом сердце даже тогда, когда оно и не на ладони у него...

Так приглушилась в спектакле тема сердца человеческих: страстного, злого — и другого, оскорбленного, заключенного в смертельную панцирь обиды; сердца человеческого, умеющего защитить и спасти друга, — и трусливого, развешенного страхом. И не может помочь спектаклю ни названный стук, записанный на пленку, долженствующий знаменовать биение сердца, ни музыка, часто неадекватно иллюстрирующая эпизоды, ни развеселые эскапады Славика и его девиц, ни громогласный и иррациональный скандал, что устраивает Галина Адамовна (Е. Матисова) Ярошу, ни нестерпимо сентиментальное примирение Ярошей их дочкой Наташей (С. Непикелова).

Спектаклю необходима Зося, и она живет, та самая Зося, которую играет Г. Маркина проникновенно, точно и мягко, с полным доверием к человеку, чью судьбу она сегодня представляет на суд зрителя. И несмотря на трудную роль (Зося мы почти все время видим на больничной койке, а рассказ ее — о событиях многолетней давности), несмотря на определенный натурализм в иллюстрировании болезни сердца, несмотря, наконец, на скудость драматургической основы: роли, — есть Зося, настоящий, страдавший и возрожденный в жизни человек. Вот это — радость в спектакле.

И еще А. Ильинский — Гукан. С виду тихий, добросердечный, невозмутимый — и злой, ощерившийся зверек, когда затронут его тайное тайных. После добродушных и ортодоксальных речей вдруг зло и цепко блеснет глаз Гукана — в нем трепещет и непрощающая жестокость...

И СНОВА встретились мы с Ильинским — в спектакле «Жаркое лето» в Берлине. Эрст фон Мюллер, старый нацистский волк, убежденный рваншист, фанатик-фашист. Он нажился на войне, а сегодня в своем доме устроил часовню, словно языческое капище, где идол — Гитлер, где молятся, как богу, его портрету и, как икону, целуют фашистское знамя. Слово ядовитый паук, плетет свою жгучую паутину старый Мюллер. В первое мгновение нам кажется, что это не более, чем чудачковатый respectableный господин, добрый семьянин, свято чтящий традиции и многолетние порядки в доме, но с каждым появлением Эрста рассеивается это наше заблуждение: волчья натура выглядывает в нем то ледяным взглядом, брошенным на жену (он кажется маленьким рядом со статной Анной фон Мюллер, но от этого еще более злым), то гримасой, означавшей улыбку для внуков, то другим взглядом, острым, как лезвие кинжала, — на невестку. Штрих за штрихом Ильинский рисует портрет матерого фашиста и закоренелого военного преступника, отравляющего трупным ядом все, к чему

прикасается. Рисует страшную фигуру эту тонко, нигде не «перажима», с огромным тактом, свойственным этому замечательному актеру.

Драма «Жаркое лето» в Берлине — тоже инсценировка. Она не без недостатков, главные из которых — определенный мелодраматизм и иллюстративность. Но «спявлена» она прочно, и основные характеры достаточно щедро снабжены драматургическим материалом. Режиссер спектакля Ю. Коршун сумел показать нам происходящее с двух точек зрения — Джой (Г. Маркина) и Стефана фон Мюллера (В. Кулешова). Прежде всего внимание режиссера было устремлено на Джой. Это ее глазами мы смотрим на все окружающее, словно вместе с ней впервые узнаем о возрождении милитаризма в Западной Германии, о реабилитации нацистов, о позорных тайных семьях Мюллер. Но если бы только так, вместе с Джой мы узнавали Мюллеров и Берлин в то жаркое лето, то это упоминание было бы главным и сильно замедленным. Слишком долгий путь пришлось бы пройти молодой эстрадишке, сохранявшей среди книг, нот и уюта обеспеченной семьи детское восприятие мира и детское же неведение, чтобы убедиться в несовершенстве мира и жестокости фашизма. Но рядом с ней Стефан — сын Мюллеров, когда-то вырвавшийся из их цепких лап, унаследовавший честность матери. Он-то знает свою семейку, которая подцепила его на ирочку сыновней любви и теперь ни за что не отпустит. Он знает их, и потому иронически и отчужденно глядит на Джой, любимую жену, которая изо всех сил старается наладить идиллические семейные отношения с Мюллерами.

Прекрасные это работы — Маркиной и Кулешова. Нельзя забыть растерянный, вопрошающий взгляд Джой, когда она впервые сталкивается с жестокостью, невесть откуда взявшуюся дипломатию, в нечаявшейся борьбе с Мюллерами, всю ее женственность и обаяние, контрастирующие с мрачной пруссачьей атмосферой дома Мюллеров, ее неожиданную, рождающуюся на наших глазах стойкость и силу. Нельзя забыть руки Стефана — Кулешова, большие, нервные, с длинными пальцами, руки создателя, которые нацисты, фон Мюллеры хотят сделать руками убийцы. И грустную полуулыбку, и тоскующий полный нежности взгляд, когда Стефан видит мать, жену, дочь. И мгновенно каменеющее лицо — рядом с ним, Мюллеры фашисты...

Нельзя забыть и Анну фон Мюллер (Е. Радзюловская), чья жизнь — молчаливый вопль. У актрисы до обидного мало текста, но красноречиво ее молчание, оно ненавидит, прокликает, протестует, любит... Талант актрисы создал образ большой чистоты и величия, образ — символ веры в победу человечности.

Есть в спектакле и другие заметные, пусть и небольшие работы: Ганс Мюллер (Г. Дубов), Шонхаузер (Н. Завдочетов), Гюнтер (И. Матусевич). Однако успех (или неуспех) спектакля обуславливают не только удавшиеся эпизоды и роли (в «Жарком лето», к сожалению, встречаются и проигрышные сцены, отмеченные не самым лучшим вкусом). Главные герои, вырезатели замысла и цели спектакля, нахал их мыслей, чувства вселяют веру в победу гуманности, в неизбежность краха мира человека и ненавистничества и мрака. И в этом успех спектакля.

НЫНЕШНИЕ гастроли колосовцев в Минске — особые. Театр — на пороге своего столетия. Время, когда невольно оглядываются на пройденный путь, анализируют добытое, чтобы знать, что взять с собою в дальнюю дорогу без привалов.

Этим летом в Минске жарко. И в театре и в фойе — тоже жарко. Идут споры, горячие, заинтересованные. Немало споров вызывало спектакли колосовцев. Потому что театр этот — в пути, потому что он дорог нам, потому что каждая неудача его огорчает, а успех радует минских друзей Витебского театра.

Л. БРАНДОВСКАЯ.

Зам. редактора

А. РОМАНОВ.